

ПЕРЕМЕНА МЕСТ

Активность входит в дарование. Ольга Волкова, одна из ведущих актрис Петербургского БДТ имени Г.А.Товстоногова, ворвалась в театральную жизнь столицы, нисколько не заботясь, что скажут в Питере и как встретят в Москве. Первый московский сезон начался для актрисы со спектакля "Игрушечный побег" по сказке Джанни Родари на сцене Театра Антона Чехова. Потом она ввелась в "Чествование" по Слейду, сейчас репетирует у Леонида Трушкина в его очередном проекте. В БДТ она по-прежнему занята в трех спектаклях — "Женитьба Бальзамина", "Пиквикский клуб", "На всякого мудреца довольно простоты", ей придется часто ездить в родной город и выходить на сцену знаменитого театра уже москвичкой... В ней — московские деловитость, жизнерадостность, работоспособность и оптимизм. Все те качества, которые оказались не востребовааны Петербургом, но которые жизненно необходимы Москве.

Ольга Владимировна, как случилось, что вы бросили все — Питер, в котором прожили всю жизнь, БДТ, дом, построенный своими руками, и уехали в Москву, где вам придется все начинать с нуля?

— Причин на самом деле великое множество. Во-первых, Москву очень люблю и люблю давно. С юности. В 60-е годы я моталась на репетиции к Эфросу, потом к Любимову, ходила в лабораторию к Марии Осиповне Кнебель и всегда связывала свои творческие помыслы и планы с этим городом. Но жизнь складывалась так, что у меня не было возможности жить и работать в Москве. Во-вторых, у меня взрослый сын. В этом году он оканчивает РАТИ, мастерскую Бородин. К сожалению, в Питере с театрами плохо, а в Москве есть возможность работать по специальности. В этом году судьба вдруг так распорядилась, что я повстречала Леонида Трушкина, который предложил мне участвовать в спектакле "Недосыгаемая" С.Мозма. Это было огромное счастье, потому что я давно уже измучена характерными ролями. Не возрастными, это меня никогда не пугало, а одноплановым использованием меня. У Трушкина в "Недосыгаемой" я буду своего возраста, со своим лицом и своей природой. Это очень здорово! Счастлива, что работаю в этом театральном проекте с великолепным актерским составом — Николаем Волковым, Людмилой Гурченко, Натальей Селезневой, Владимиром Стебловым, Евгением Стебловым. Репетиции проходят азартно. Это стимулирует творческий процесс, заставляет меня быть в тонусе.

— В последнее время все чаще высказывается мысль, что

репертуарный театр себя изживает, а для современного актера антреприза — это наиболее удобный способ существования. Скажите, вам как актрисе репертуарного театра близка ли идея антрепризы?

— Я считаю, что сегодня антреприза — это разумно, хотя и опасно. В репертуарном театре можно сидеть на худой зарплате, играть свою норму и даже, если померещь, тебя похоронит театр. Антреприза — совсем другое дело. Иной замысел, новый режиссер — и ты уже никому не нужен. Здесь все может оборваться так же случайно, как и началось. Это страшно и тяжело. Но я ведь не ушла из БДТ, играю то небольшое количество спектаклей, которые у меня есть. По большому счету, я считаю, что надо жить подвижно, рисковать. Пока есть возможность работать, надо ее использовать, надо стремиться туда, где ты нужен.

Антреприза, на мой взгляд, оздоравливает актера, заставляет его смотреть на себя более внимательно. Ведь мы живем в родном репертуарном театре по двадцать — тридцать лет, играем огромное количество старых спектаклей. Вырабатывается привычка к партнерам, к самому себе. Она вырабатывается от "натертой" ситуации, когда теряется чувство профессиональной опасности и ты не понимаешь, где повторяешься, где фальшивишь. А в антрепризе ты все время сдаешь экзамен на чин. Вынужден это делать.

У антрепризы есть еще один важный момент — материальный. С точки зрения западных мерок, антреприза, может быть, и не дает больших денег, но по сравнению с тем, что актер получает в репертуарном театре, это ощутимая прибавка к жалованью.

— Как вам работаете с Леонидом Трушкиным?

Фото Н. САМОЙЛОВА

Леонид Трушкиным?

— Леонид Трушкин сохранил поразительную влюбленность в театр. В нем сочетаются делец и романтик. Он не продает театр за копейки и на потребу.

Я очень благодарна Леониду Григорьевичу за то, что он так хорошо встретил меня, так трогательно и внимательно ко мне относится. Имея возможность и энергию, я мечтала о своем курсе, даже не при школе, а при полупричастном учебном заведении. Я предлагала свои услуги Большому драматическому, но театр от них отказался. А здесь, в Москве, Леонид Григорьевич пригласил меня в свой театр еще и в качестве режиссера-репетитора. Это мне чрезвычайно интересно, я давно к этому стремилась.

— Вы решили заняться педагогией в тяжелое для театра время. И школа, и система театрального образования находятся в критическом состоянии. Что бы вы хотели дать вашим будущим ученикам, от чего хотели бы их уберечь?

— Я предполагаю, что педаго-

гические способности у меня есть. У меня прабабка была повитухой, возможно, поэтому я не могу видеть, когда ломают молодое. Я просто болеваю. Мы с Леонидом Григорьевичем обнаруживали, что располагаем некоей общностью взглядов на важные вещи, дышим в лад, и если я оказуюсь ему полезна, то это будет здорово. Многие режиссеры не нуждаются в помощи, но некая театральная нянька нужна всем. Молодым в первую очередь. Я люблю самый разный театр, способна воспринимать неожиданные эксперименты. Меня серьезно интересует теория театра. Очень жаль, что сейчас у нас плохо с периодическими театральными изданиями, нет возможности публиковать интересные теоретические работы. Наука бедствует, ведь сейчас театром могут заниматься только состоятельные люди, а где гарантия, что они театрально образованны? Заставлять студента или молодого артиста разгружать бочки — это ужасно, этого не должно быть, потому что у них

ненормированный рабочий день и колоссальная нагрузка на психику.

— Вы никогда не отказываетесь от участия в детских фильмах, передачах, спектаклях. Свою сценическую московскую биографию тоже начали с детского спектакля. Скорее всего это не случайно?

— Конечно, дело здесь не в сентиментальной привязанности к годам молодости, проведенным в Ленинградском тюзте. Я получаю удовольствие от игры для детей, потому что мне есть, что им сказать. Я очень боюсь за них. Ведь детский спектакль — это, как микстура. Дети лишены тепла, они растут без нас, потому что родители изо всех сил зарабатывают деньги для того, чтобы прокормить ребенка и купить ему одежду. Дети прилипли носами к телевизору или компьютеру, но их необходимо хотя бы иногда оттащить от этих игрушек. Мы делали "Игрушечный побег" с любовью. Это — доброе дело. Необходимо вернуть детей в театр, необходимо, чтобы наши дети помолодели, из них надо вытравить прагматизм, трезвость и расчет. И я уговариваю Трушкина вернуть на сцену отечественных детских писателей. Проблемы детства — это преломление взрослых болячек, и я всегда буду с удовольствием участвовать во всех детских спектаклях, программах, фильмах.

— Морально вы готовы стать москвичкой?

— Готова. Я давно пыталась ею стать. Если справлюсь с судьбой, не буду жить на чужбине, решу свои жилищные проблемы, перестану испытывать муки совести перед своей семьей, которую вырвала из привычной жизни, то буду по-настоящему счастливым человеком. Я думаю, что справлюсь. Во всяком случае я просто так не сдамся. Не могу сказать, что я везучий человек, но надеюсь, что мне наконец-то повезло.

Беседу вела
Жанна ФИЛАТОВА